

Независимая газета

Судьбоносный выбор и его последствия

Десять лет назад с избранием Ельцина на второй срок демократы одержали такую победу, которая не оставила шансов самой демократии

2006-06-23 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Со времени выборов 1996 года, первых президентских выборов в постсоветской России, прошло уже десять лет. Эти выборы – третья важная веха в становлении нашего теперешнего режима.

Первая – это беловежские соглашения, само рождение нового государства, которое возникло против воли большинства народа и без каких-либо «консультаций» с народом. Уже в этом, в самом способе рождения нашего государства, в зародыше заключалась вся будущая судьба провозглашенной им демократии. Заключив беловежские соглашения, Ельцин тем самым сделал практически невозможной передачу власти оппозиции, ибо оппозиция теперь просто не могла не поднять крик о «разрушении великого государства», то есть не могла не обвинять Ельцина и его сподвижников в беззаконии и государственной измене. Кравчук, другой деятель беловежских соглашений, имел в кармане народный мандат – итоги украинского референдума о независимости. Поэтому он мог позволить себе проиграть выборы. А Ельцин уже не мог, он вынужден был строить «управляемую» или «имитационную» демократию уже не только из-за властолюбия, но и из-за инстинкта самосохранения.

Вторая веха – расстрел Белого дома и принятие на более чем сомнительном референдуме Конституции, максимально удобной для формирующегося режима. Если до расстрела Белого дома еще как-то было можно вообразить, что Ельцин передает власть оппозиции, не попадая затем в тюрьму, то после него никаких шансов на это уже не было.

Построение режима власти безальтернативных президентов, передающих ее своим еще более безальтернативным преемникам, стало единственно возможным, действительно безальтернативным путем для Ельцина и его окружения.

1996 год – это первые выборы президента в рамках фактически уже сформированного режима имитирующей демократию власти безальтернативного президента, испытание этого режима на прочность. И если президентские выборы 1991 года в условиях еще советской и коммунистической власти были реально альтернативными и честными (хотя они и не были выборами верховной власти в независимом государстве), то первые же выборы верховной власти в «свободной России» носили уже имитационный характер, были выборами без выбора. То, что оппозиции власть не отдадут, сколько бы она голосов ни получила, было очевидным – об этом даже открыто говорилось. Избирательная кампания, в которой Зюганов просто не мог появиться по телевидению без сопровождения каких-то антикоммунистических комментариев, была пародией на

демократическую избирательную кампанию, а в ряде регионов махинации с подсчетом голосов были при сравнении результатов первого и второго туров видны невооруженным взглядом.

Трудности честной игры

Всегда трудно совершить что-то в первый раз. В 1996 году власть нервничала, суетилась, сомневалась, проводить ли вообще выборы или отменить их, предпринимала колоссальные и ненужные усилия и раздавала деньги коробками из-под ксерокса. Олигархи, журналисты и политологи слетались на запах денег. Старый и больной Ельцин плясал перед народом (я думаю, что после таких плясок человек должен возненавидеть народ, перед которым он был вынужден плясать), а после выборов слег в больницу и стал думать о преемнике. Но дальше все пошло как по маслу. Впереди Ельцина и созданный им режим ждало еще одно испытание – определение подходящего преемника, но сами по себе выборы президента проблемой быть перестали. Если в 1996 году реальная безальтернативность победы власти достигалась созданием иллюзии «судьбоносного выбора», то затем эту иллюзию поддерживать было уже невозможно, да и не нужно – система безальтернативной власти утвердилась окончательно и была принята обществом. Преемнику Ельцин передал уже построенное здание постсоветской политической системы, и от Путина требовалось лишь провести некоторые отделочные работы и убрать строительный мусор.

Фактически все было предрешено с самого начала. Наше политическое развитие определялось характером всех действующих сил и ситуацией, в которой они оказались после беловежских соглашений. И характером правящей верхушки, которая не только не хотела, но и не могла отдать власть. И характером оппозиции, которая не могла не поднимать революционных (они же контрреволюционные) лозунгов, понимая в глубине души, что ни на какую революцию у нее сил нет и не будет, но пугала народ гражданской войной – и тем самым ее деятельность объективно оказывалась на руку власти. И, конечно, прежде всего – характером народа, больше всего боящегося самого себя и якобы присущей ему способности к бунту «бессмысленному и беспощадному», а посему предпочитающему любую власть ситуации собственной свободы выбора. 1996 год – рубеж, но не решающая точка «бифуркации» – такая точка была в 1991 году.

Но, может быть, именно в 1996 году обреченность нашей демократической попытки и неизбежность построения у нас «имитационной демократии» стала наиболее зримой, ибо из лагеря тех, кто называл себя и даже искренне считал себя демократами, не раздалось практически ни одного голоса в защиту демократических «правил игры». В 1991 и 1993 годах еще могли быть иллюзии. Кроме того, кое-кто из демократов возражал против беловежских соглашений (правда, не поймешь, то ли из-за их недемократичности, то ли из сожаления о потере империи) и против расстрела парламента (в основном из-за того, что операция была проведена топорно и с большой кровью). Но в 1996 году никто не возмутился, что первые же президентские выборы в стране, провозгласившей демократию, стали пародией на выборы. Никто из демократических политиков не предпочел утверждение правил честной

игры победе над коммунистами при игре нечестной. Но ясно, что если на защиту демократии не встанут и демократы, утвердить демократию невозможно.

В основе демократии лежат элементарные моральные требования справедливости и честности. Главное в ней – готовность к игре по правилам и к принятию собственного проигрыша. Ибо честная игра – это такая игра, в которой ты не только можешь проиграть, но в которой рано или поздно, каким бы игроком ты ни был, ты обязательно проиграешь. Это – система абсолютных запретов, изменить которые нельзя в принципе, как нельзя изменить правила шахматной игры или основные моральные принципы. Если нельзя поедать других людей, то их нельзя поедать, даже если в противном случае ты умрешь от голода. Если нельзя убивать свою мать, то ее нельзя убивать, даже если она тебя «достала». Если ты проигрываешь в шахматы, а тебе страстно хочется выиграть, ты все равно не можешь пойти конем как-то не так, как коню положено, потому что ты просто уничтожишь этим игру. И точно так же демократ «по определению» не может проводить нечестные выборы. Вопрос: «Но что же делать, если в противном случае к власти придут коммуно-фашисты?» логически не отличается от вопросов: «Но если я не съем ближнего своего, я же умру с голода?», или: «Но если я не пойду так конем, я же проиграю?»

Ситуация 1996 года была не столько ситуацией выбора между Ельциным и Зюгановым, сколько ситуацией выбора наших «демократов» между честной игрой со всеми тяжелыми последствиями, которые в человеческой жизни может повлечь за собой честность, и игрой нечестной, гарантирующей тебе победу и сохранение власти, но ликвидирующей саму «игру». В больших, национальных масштабах это была обычная ситуация морального выбора между невыгодной честностью и выгодной нечестностью, подобная тем, в каких мы оказываемся на каждом шагу.

У нас и у наших соседей

Каждый раз, когда политические силы, на знамени которых – демократия, побеждают в какой-либо стране, через некоторое время для них наступает этот момент «экзистенциального выбора». У победителей не может не быть противников. И если победители провозглашают демократию, они тем самым провозглашают создание условий, при которых эти противники могут прийти к власти. Более того, обязательно придут. От победивших демократов, какие бы хорошие они ни были, народ обязательно устанет. Победитель-демократ обречен на свое поражение. И только если он готов принять его, у демократии есть шанс. Если его противники, какими бы они ни были, понимают, что они могут победить при установленных правилах игры, есть шанс (не гарантия, а только шанс), что они не отменят эти правила, придя к власти, что игра продолжится, и в конце концов правила станут настолько привычными, что об игре без правил забудут. Если же победители-демократы сами переходят к игре без правил, у демократии шансов нет вообще, игра прекращается.

Этот «экзистенциальный выбор» был перед демократами во всех тех странах, где демократические революции рубежа 80-х – 90-х годов свергли коммунизм. (И очень скоро перед таким выбором встанут победители новой серии демократических революций – Саакашвили и Ющенко.) И победа

демократии в этих странах всегда приходила через поражение тех демократов, которые предводительствовали революциями и пришли к власти на их волне, и через их согласие принять это поражение. Это всегда был трудный выбор. Когда в Польше Валенса и его сподвижники по «Солидарности» поняли, что к власти идут «перекрасившиеся коммунисты» во главе с Квасьневским, сидевшие в министерских кабинетах, когда герои «Солидарности» боролись за свободу и сидели в тюрьмах, ими не мог не овладеть ужас. И у них наверняка появлялось искушение нарушить правила игры. Но они ему не поддались и приняли горечь и позор поражения. Так же, как приняли их «саюдисты» в Литве, когда победил Бразаускас, как их приняли даже демократы Молдовы, где к власти пришли не «перекрасившиеся», а просто коммунисты, сейчас последовательно ведущие свою страну в ЕС.

Наши демократы сделали иной выбор. И никакие разговоры о том, что «наш» Зюганов хуже «их» Квасьневских, Бразаускасов или Ворониных, ничего не стоят. Свой Зюганов всегда страшнее их Бразаускасов, как своя беда всегда страшнее беды соседа. И если Зюганов действительно проигрывает по сравнению с Квасьневским, то ведь Ельцина даже неприлично сравнивать с героем польского народа Валенсой. Отношения между этими фигурами можно выразить уравнением: «Соотношение Валенсы и Ельцина – такое же, как соотношение Квасьневского и Зюганова».

Наши демократы сделали такой выбор не потому, что «наш» Зюганов был так уж хуже «их» Квасьневского, а потому, что они сами были «хуже» польских демократов, потому что все мы оказались «хуже» поляков (и литовцев, и болгар, и т.д.), потому что в нашем обществе в целом не было того минимума честности, правосознания, чувства справедливости, без которого демократия невозможна.

Победа Зюганова не гарантировала бы сохранения и укоренения демократии. Она стала бы тяжелым испытанием для демократов и демократии. И все-таки она давала бы шанс. Но победа Ельцина, достигнутая таким путем, каким она ему досталась, гарантировала конец нашей демократической попытки на сто процентов. Все, что пришло после, было полностью предопределено событиями 1991, 1993 и 1996 годов, и все те, кто сейчас возмущается «басманным правосудием», ликвидацией свободного телевидения, почти ликвидацией свободной прессы и т.д., возмущаются неотвратимыми и естественными последствиями своего «экзистенциального выбора» в ситуациях 1991–1996 годов. Как коммунисты, возмущавшиеся Сталиным и гибнувшие в сталинском терроре, возмущались естественными и закономерными следствиями своих собственных дел.

Плата по счетам

История не так уж несправедлива. Очень часто она вознаграждает за правильный моральный выбор и всегда заставляет платить по счетам за неправильный. Демократы других стран, сделавшие выбор в пользу честности, пережили потерю власти, всякие неприятности и тревожные минуты, но в результате получили демократию и везде через какое-то время смогли вернуться к власти. Наши, выбрав нечестность, избежали

множество неприятностей, которые произошли бы, приди к власти коммунисты, но потеряли демократию, а затем многие (и не худшие из них) потеряли и свои прежние социальные позиции, а кое-кто – и просто личную свободу. И это еще явно не конец.

Может быть, самый большой прогресс, который мы совершили за 10 лет, прошедших с 1996 года, заключается в том, что понимание демократии как правил игры, которые в 90-е годы ликвидировали сами демократы, начинает кое-где проглядывать. Нечто подобное уже говорили самые разные люди – к сожалению, только после того, как их смолола та машина, которую они сами создавали: и Ходорковский, и Киселев, и Глеб Якунин, и еще кто-то. Для этого витка исторической спирали такое понимание приходит к ним слишком поздно. Я сознаю, что нехорошо так говорить о человеке, сидящем сейчас в тюрьме, а то и в карцере, но если бы Ходорковский понял это не сейчас, а хотя бы в 1996 году, может быть, он в тюрьме бы и не сидел. И хотя сейчас это новое понимание практических следствий не имеет, в нем – залог нашего демократического (то есть просто порядочного, приличного) будущего.

Но, насколько я знаю, ни одна официальная демократическая структура и ни один высокопоставленный демократ не сказали, что они раскаиваются в прошлом и теперь понимают, что выборы должны быть честными, даже если при этом ты можешь проиграть, а коммунисты – выиграть. Поэтому до демократии нам еще расти и расти.